

Миллиардам читательниц сказки Картленд давали
утешение на протяжении трех четвертей века.
Газета «Коммерсант»

БАРБАРА КАРТЛЕНД

ВПЕРВЫЕ
НА
РУССКОМ
ЯЗЫКЕ

Моя
прекрасная
леди

*Английская
мадонна*

ЭКСМО

Барбара Картленд Английская мадонна

Сканирование, вычитка, fb2 Chernov Sergey
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5549202
Картленд Б. Английская мадонна: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-63578-8

Аннотация

После смерти отца молодой граф Хэвершем, знаменитый игрок и сердцеед, получил в наследство солидное состояние и уникальное собрание картин. Правда, почти всем полотнам нужна была реставрация, и граф пригласил лучшего мастера. Откуда же было знать, что вместе с реставратором в замок приедет его дочь? И как не стать жертвой прекрасных глаз Теодоры Колвин – скромной девушки, словно сошедшей со знаменитой картины из коллекции его светлости?

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Барбара Картленд

Английская мадонна

Barbara Cartland
LOVE LEAVES AT MIDNIGHT
© Barbara Cartland, 1978

От автора

Многие уникальные собрания картин, обосновавшиеся в старинных замках Великобритании, к счастью, все еще пребывают в целостности и сохранности.

Коллекции, принадлежащие герцогам Букклеу, Девонширскому и Ратленду, можно причислить к лучшим в стране.

Картины кисти Ван Дейка в личных собраниях превосходны! Единственное чувство, какое охватывает настоящего ценителя живописи при взгляде на эти полотна, запечатлевшие мастерство живописца, изображавшего свои модели с поразительной психологической глубиной, – это восторг!

Ван Дейк родился в 1599 и умер в 1641 году, но его творческое наследие включает не одну сотню изумительно прекрасных произведений.

Карл I даровал художнику годовую пенсию в 200 фунтов, два дома и рыцарский титул. Ни один живописец не был достоин этого более, чем Ван Дейк.

Глава 1

1841 год

Яркое солнце, с утра победно воссиявшее на чистом утреннем небе, к обеду незаметно исчезло в небесной лазури. Ветер коварно надул серые тучки, и из них время от времени начинал сыпать мелкий надоедливый дождь – этакая водяная взвесь окутывала окрестность... А то вдруг внезапно срывался из облачной кутерьмы короткий жемчужный ливень, подсвеченный мигнувшим среди облаков солнечным глазом. Что тут сказать: в этом извечном соперничестве и есть постоянство английской погоды!

Но случалось, с небес извергались сильнейшие потоки дождя, которым было подвластно не только проникать людям за воротник, портя одежду, но и менять к счастью их судьбы...

То были первые годы правления королевы Виктории¹.

В одном из поместий графства Девоншир, на юго-западе Англии, в старом имении Маунтсоррель, неподалеку от столицы графства города Эксетер, где-то в глубине большого внушительного строения хлопала от ветра неплотно прилегающая к оконной раме створка окна.

Особняк давным-давно своим видом взывал к тому, чтобы в нем был сделан ремонт – не беглый, поверхностный, а основательный. И чтобы за организацию работ взялась умелая рука добросовестного хозяина. Но таковой не было. Дом был отдан на откуп своей незавидной судьбе, английской погоде и нескольким живущим в этом хлипком прибежище людям, которым не под силу было привести жилище в порядок даже изнутри, не говоря о том, чтобы преобразить его как-либо снаружи.

К чести хозяев надо все же сказать, что без дела в этом доме никто не сидел.

Дочь владельца имения – Теодора – как раз вытирала в гостиной пыль, когда створка окна в очередной раз издала противный скрип и капризный хлопок, и следом раздался звук открывшейся и тут же захлопнувшейся двери. От сквозняка, пробежавшего по всем помещениям, створка строптиво подпрыгнула еще раз, будто хотела напомнить жильцам: не зевайте, дом вот-вот рухнет, сделайте что-нибудь, если мечтаете уцелеть сами и сохранить то, что есть у вас ценного в родных пенатах!

В гостиную, где Теодора привычно расправлялась с пылью заткнутыми за пояс передника несколькими влажными тряпками, вошел слуга Джим. Он поднял на Теодору честный, по-собачьи преданный взгляд – так спаниели смотрят на любимых хозяев, и бугристые лбы и висящие по сторонам уши усугубляют молитвенное выражение их умных мордашек. Вот так Джим и смотрел сейчас на Теодору: честно, почти благоговейно. И этот его взгляд говорил: нам отказали...

Джим был маленьким, жилистым, мало-помалу дряхлеющим человеком с седеющими висками. Но его преданность хозяевам с годами, казалось, только крепла – хотя куда уж больше... Могло ли быть что-нибудь крепче, надежнее, чем она? Джим вжился в окружающее его запустение и не помышлял уйти куда-то из этого места. Он, можно сказать, врос в него, как вырастает растение в деревянную или каменную изгородь, проникая корнями так глубоко, как только может, и раскидывая по сторонам ветви, на которых вопреки испытаниям каждой весной набухают почки и вырастают нежные зеленые листья. Вот только впечатле-

---

¹ Королева Виктория (1819–1901) – правительница Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии (а также императрица Индии), взошедшая на престол в 18 лет и оставшаяся на троне на 63 года.

ния торжества победы над обстоятельствами, какое производит выросший в иной каменной кладке цветок, в выражении лица Джима сейчас, когда он переступил порог комнаты, где Теодора боролась с пылью, не было.

– Все напрасно, мисс Теодора, – обреченно произнес Джим, дождавшись, когда Теодора, нагнувшись в три погибели, подойдет к нему ближе, ведя тряпкой вдоль плинтуса. – Он не даст нам больше никакой еды. То есть пока мы ему не выплатим все, что должны...

Теодора выпрямилась, тяжело вздохнула, молча кивнула. Разумеется.

Этого она и ожидала.

Все последнее время хозяин единственной в их деревне лавки был до чрезвычайности – если не сказать попустительски – к ним снисходителен, отчего их долг разбухал как на дрожжах, покуда не достиг таких размеров, что Теодору стал душить жуткий стыд при одной только мысли попросить там кусок черствого хлеба, – и все же она послала на этот раз Джима попытать счастья. И вот он, вернувшись, стоит и смотрит на нее таким жалостливым взглядом, от которого девушке сделалось не по себе: и за то, что опять им нечего есть, и за то, что она подвергла его унижению в очередной раз просить еду в долг.

– Ммммм... Будет ли конец всему этому? Я больше так не могу... Я просто не выдержу... Неужели мы на самом краю – и придется что-то продать? – с тихим стоном вырвалось у нее. Она устало провела рукой по влажному от усердной уборки лбу.

– Я могу отвезти какую-то из картин для продажи в Лондон, мисс Теодора, и у нас будут деньги! Мы выручим за любую очень хорошие деньги! – живо, со спаниельской готовностью и, видимо, с тайным убеждением, что это давно пора сделать, отреагировал Джим, внутренним чутьем разобрав, что она там лепечет одними губами. Хотя догадаться было нетрудно.

Теодора в испуге замахала на него руками, даже не выпустив тряпки. В ее глазах застыл панический ужас.

– Ох... Да ты понимаешь, что говоришь, Джим? Одумайся! И ты, и я, мы оба отлично знаем, что у нас нет права продавать что-нибудь с этих стен! Мы не можем себе позволить начать разорять коллекцию, ведь стоит продать одну картину, и дальше мы не удержимся, это самообман, что ограничимся только одной! – в голос простонала Теодора. – И к тому же все это не наше. Наследник-то – мистер Филипп. Как ты думаешь, что он нам скажет, когда вернется, если увидит, что что-то исчезло?

– Боюсь – и смею выразить эту дерзкую мысль, – картины не покажутся ему такими уж баснословно ценными и такими уж безгранично важными по сравнению с тем, что вы и хозяин протянете ноги... – Джим переступил с ноги на ногу. Почесал переносицу. Испустил тяжелый вздох. – А? Мисс Теодора? Мне больно смотреть на хозяина. И на вас, уж простите меня, грешного...

Теодора снова вздохнула. Она понимала Джима, все его чувства. И что слабая девушка могла противопоставить тому, что говорит ей верный Джим? Да ничего! «Он прав, тысячу раз прав абсолютно во всем! – принимаю все от первого до последнего слова». Слуга пытается образумить «хозяйку», а она уперлась и ни в какую...

– Логика убийственная, и возразить нечего! – горько усмехнувшись, проговорила она. Старик в ответ слегка улыбнулся, подхватив иронию и игру слов на тему смерти.

Всеми силами она отчаянно сопротивлялась надвигающейся катастрофе и пыталась найти хитроумные способы, чтобы не распродать то последнее из имущества, за что еще можно было бы выручить хоть какие-то деньги, пока ее брат где-то там, далеко на Востоке, пытал счастья.

Картинную галерею Колвинов в Маунтсорреле полотно за полотном собирало не одно поколение этой отмеченной Богом семьи. Колвины были одержимы коллекционированием не один век. Теодоре – не случайно ли по-гречески ее имя означает «божий дар»? – всегда

казалось, что посягнуть на такое сокровище – это все равно что предать собственную семью. И она жила с этой мыслью и таким ощущением, несмотря на все беды, которые их преследовали.

Собрание картин в Маунтсорреле было ярким явлением для тех, кто в том разбирался. Галерея была широко известна среди собирателей и любителей живописи, в связи с чем их дом был весьма и весьма посещаем. Сколько Теодора помнит себя, сначала к деду, а потом и к отцу из разных уголков мира приезжали разные люди, вели умные разговоры, а она постоянно крутилась подле – слушала, впитывала, запоминала. Ловила каждое слово. Ей было все интересно, все, что она могла понять сразу, и все, до чего доходила умом, подрастая. И одно из первых ее впечатлений и осознаний – что их семья знаменита. Точнее, знаменита коллекция. Более того – коллекция столь известна, что ее распродажа привлекла бы внимание большее, чем когда-либо удостаивался кто-то из тех, кому принадлежали эти картины. Позволить себе сейчас вольное обращение с истинной драгоценностью значило бы громогласно расписаться в собственном невежестве и снискать геростратову славу – а как известно, Герострат прославился тем, что сжег храм богини Дианы (Артемиды) в Эфесе, одно из семи чудес света. Почти чудом света была и коллекция Колвинов. Возможно ли посягнуть на нее, если считаешь себя причастным к запечатленным кистью и краской вершинам человеческого духа и гения? Так рассуждал дед Теодоры, так думал ее отец.

Но сама девушка лишь диву давалась: как же отец мог взвалить на свои плечи и так долго влачить на себе этот крест – управляться с огромным домом, переходящим от отца к сыну со времен королевы Елизаветы, без всяких попыток реставрации доверенного ему имущества. Вместе с домом новый владелец имения получил и долги – немалые, обременяющие, что тот пресловутый камень на шее. И теперь, по всем признакам, эти обязательства должны перейти от отца к его единственному сыну Филиппу – наследнику, то есть связать его по рукам и ногам.

Владелец поместья Маунтсоррель несказанно гордился этим наследством и продолжал бы жить в своем имении, будь Маунтсоррель просто норой в земле. Однако если оставить иронию в стороне, поместье к тому и стремилось – превратиться в этакую глухую нору, набитую драгоценностями...

Сейчас хозяин имения Александр Колвин и Теодора занимали только несколько комнат в крупнейшем доме, построенном архитектором с именем многие десятилетия тому назад. В остальных помещениях поселились плесень и запустение. Потолки, не укреплявшиеся с момента постройки дома, грозили вот-вот рухнуть, под обивкой стен благополучно плодились крысы, оконные рамы не закрывались наглухо, как им следует: в непогоду в помещения постоянно попадали струи дождя, и то же самое происходило с крышей, в кровле которой прорехи увеличивались год от года.

И тем не менее в жилых комнатах – с истершимися коврами, с занавесками, более напоминавшими остатки театрального реквизита, и с такими чудовищно расхлябанными креслами, что представление о безопасности и комфорте было к ним применимо весьма условно, – на стенах в этих жилых катакомбах висели картины, совокупная стоимость которых тянула на целое состояние.

Коллекцию наследовал, конечно, Филипп, а после него – его дети и внуки.

Вероятно, время от времени Теодора размышляла, что должны были бы где-то существовать какие-то доверенные лица, некие знающие свое дело люди, чтобы следить за сохранностью и учитывать каждое полотно из коллекции Колвинов, но она о таких экспертах никогда не слышала. Вполне возможно, что они действительно были, но один за другим тихо и незаметно отошли в мир иной – длительность сюжета, ограниченного рамками человеческой жизни, не идет ни в какое сравнение с вечностью, которую существует сюжет, запечатленный на холсте рукой художника.

Впрочем, как это ни странно, никакие доверенные лица, никакая охрана Колвинам были не нужны. Они и сами справлялись с охраной своих картин на редкость успешно. Но Теодоре были известны случаи, когда кто-то из ее предков не пожалел своей жизни, погиб, защищая сокровища от грабителей. Найдутся ли последователи среди таких потомственных хранителей их драгоценностей? Теодора была уверена: сомнений быть не может. Ведь любая картина из коллекции Маунтсорреля украсила бы экспозицию любого из самых известных музеев, любой галереи! И это не преувеличение. С неподобающе обветшавших стен дома были благородно обращены к зрителю полотна многих и многих знаменитых художников с бессмертными именами... Случайный гость, оказавшись он в этом увечном поместье, очертаниями напоминавшем бурей выброшенный на берег фрегат, остался бы поражен тем, что он узрел бы в утробе сего издыхающего чудовища: изумительную коллекцию живописных полотен, и каждое блистало на сырых стенах ухоженностью... Теодора могла их все перечислить и описать в деталях, даже закрыв глаза.

Пожалуйста! Вот работы немецкого художника Ганса Гольбейна (Младшего)², ученика своего отца. Тонкий рисунок. Гибкая пластика. И редкостные при этом сарказм и наблюдательность. Схваченные острым глазом моменты жизни. А красота форм моделей, тщательность проработки деталей не оставят равнодушным самого взыскательного ценителя живописи. Кстати, Гольбейн (Младший) сумел привнести в немецкое искусство расцвет итальянского Возрождения и сделал эту «прививку» не в ущерб национальному характеру, соединив то и другое в одной художественной манере.

Уникальная палитра Гольбейна перекликалась на зыбких стенах Маунтсорреля с висящими по соседству картинами англичанина Уильяма Хогарта³: художник был не чужд юмора и сарказма (вот уж кто от души посмеялся бы, увидев свои блистательные шедевры здесь, среди жутчайшего хлама!). Необычайно остроумный и смелый в своей человеческой зоркости, он делал объектами изображения представителей самых разных сословий, став основателем национальной школы живописи, не замкнув себя на каком-то одном излюбленном жанре.

Да, Теодора могла часами стоять подле каждой картины и о каждой рассказывать... Это были ее любимцы. Могла ли она расстаться хотя бы с одной из них?

Отойдя со своими тряпками в сторонку от Джима, она в задумчивости остановилась перед картиной француза Жана Оноре Фрагонара⁴. Отец говорил ей, что здесь реализм и абстракция достигли уникального равновесия. Возможно. Она об этом еще подумает – отец часто выражался не слишком простым для нее языком, но она любила разгадывать эти секреты картин, подолгу вглядываясь в изображенное на картине в стремлении понять до конца, что хотел выразить красками и кистью художник.

Фрагонар – воплощенное рококо. Изобретательный в композиции, он не лишен изящной манерности, однако грациозен и деликатен в рисунке, и картины его выполнены с большим вкусом: «Поцелуй украдкой», «Девочка в постели, играющая с собачкой...»⁵ Сквозит что-то почти запретное, но так целомудренно, что никакую грань художник не перешел. На этих девочку и собачку отец ее часто подолгу глядел, и Теодора знала: будь даже продано все остальное, эта картина останется с ними.

² Ганс Гольбейн (Младший) (1497–1543) – живописец, один из величайших немецких художников, работавших при дворе короля Великобритании Генриха VIII. Особенно известны портреты Гольбейна.

³ Уильям Хогарт (1697–1764) – английский художник, новатор, открывший новые жанры в живописи и графике. Считал, что живопись должна искоренять пороки, воспитывать человека.

⁴ Жан Оноре Фрагонар (1732–1806) – талантливый и плодовитый (более 550 картин) живописец и гравер.

⁵ «Поцелуй украдкой» хранится в Эрмитаже, «Девочка...» – гордость музея «Старая Пинакотекка» в Мюнхене, но про- стим автору вольное обращение с материалом (здесь и далее прим. редактора).

А вот это? Теодора в сомнении – поднимется ли на него рука? – остановилась перед полотном Генри Реберна⁶. Основатель шотландской школы живописи. Лучший портретист Шотландии, как отзывался о нем отец, считая значительным портретом Реберна его автопортрет. Вдумчивый, проникающий в душу внимательный взгляд умудренного опытом человека. Значительная, однако абсолютно естественная поза. Уверенное письмо сильной рукой и густой колорит. Человеку, изображенному на этом портрете, хотелось открыть свою душу, исповедаться в грехах и в сомнительных помыслах – такая была уверенность, что получишь не ответ, состоящий из пустых затверженных формул, а истинные плоды душевных исканий и познания жизни. Постоишь, помотришь – и будто с другом поговорил.

– Что за художник! – с восхищением восклицал отец еще неделю тому назад, стоя перед этим портретом. – И никаких набросков не делал, все сразу на холст!

А вот потрясающий ее каждый раз как впервые Ян Давидс де Хем⁷... Потрясающий каждым своим штрихом, самой незаметной на поверхностный взгляд линией. Рисовал ли кто-нибудь цветы и фрукты так же, как он? Так скрупулезно выписан у него каждый листик и лепесток в букете, каждый черенок и солнечный блик на каком-нибудь фрукте в вазе – стеклянной ли, металлической! Цветовая гамма букета, прописанность всех подробностей и мелочей, прозрачность красок... Теодора разглядывала все эти подробности, открывая для себя новые их сочетания. На всем отдыхают глаза и душа, если воспринимать изображение поверхностно, не вдумываясь в смысл. Об утонченном вкусе художника говорит построение композиций натюрмортов: то над букетами порхают бабочки и стрекозки, то посреди натюрморта попугай клюет ветчину... Реалистичность граничит с почти абсолютной реальностью. Вот только не для красоты и не для того, чтобы просто порадовать глаз, рисовал свои натюрморты де Хем. Изображением фруктов, цветов, еды и прочей «мертвой природы» можно сказать очень многое – намеками, символами. И де Хем умел использовать эти приемы блистательно, лучше, чем все художники до него, писавшие натюрморты.

Де Хем своими картинами говорил со зрителем. Сочетания предметов, собранных в натюрморте, могли сказать зрителю многое. Вот, к примеру, рядом с пышным гастрономическим пиршеством на столе (где изящно свисает колечками недочищенная кожура лимона, стоит недопитый бокал, иногда смята скатерть...) – догорающая или уже догоревшая свечка, череп, часы или очки. «Все проходит», – гласит надпись на кольце библейского царя Соломона. Придет конец и богатству, и изобилию. Memento mori – помни о смерти! Но пока человек живет, он не думает, как вмещивается в природу. Недрогнувшей рукой он срезает с кустов цветы и срывает с деревьев плоды. Вскоре эти цветы в вазах завянут и сморщатся сложенные горками фрукты. Так расстались с жизнью красный омар (раз красный – уже побывал в кипятке...) или заяц, мертво поникший ушами и лапами подле глянцевице поблескивающих виноградных гроздей, безжалостно подстреленная для того, чтобы потешить утробу, прекрасная птица. Но придет конец и человеческой жизни – все тленно, и даже богатство: поделись же этими деньгами с бедным, и, возможно, тебе простятся какие-то из твоих грехов! Об этом говорили натюрморты де Хема и его предшественников в этом жанре светлой и наивной девушке.

В огромных глазах Теодоры застыло отчаяние. Она понимала эту символику Средневековья и разделяла идею отношения к природе не как к человеческой собственности. Теодора верила: человек должен почтительно склонить голову перед величием Создателя. Природа – величайшая загадка Вселенной.

⁶ Генри Реберн (1756–1823) – самоучка живописец, романтик, благодаря которому потомки знают, как выглядели выдающиеся общественные деятели, писатель Вальтер Скотт и др.

⁷ Ян Давидс де Хем (1606–1683/84) – потомственный нидерландский художник.

Однако, как бы там ни было, созерцание такого изобилия вкусной еды сейчас подействовало на Теодору подавляюще: Колвины жили впроголодь. Слабым утешением было то, что натюрморты отражают лишь жизнь не столько богатых, сколько баснословно богатых людей. Все эти золотые с перламутром кубки, бокалы, белые и красные вина, созревающие в разное время года фрукты (вишня и виноград) – все, что лежит на столе, было доступно в кругу людей состоятельных, заказывавших такие картины, чтобы продемонстрировать свое богатство... А художник оттачивал свое мастерство, достигая поистине совершенства, передавая почти осязаемую бархатистость кожицы персика, влажно-матовую поверхность виноградин, прозрачность стекла, переливчатую нежность перламутровых раковин...

Голова у Теодоры кружилась от усталости, голода и сомнений...

Джим не тревожил хозяйку, да и сам незаметно стал разглядывать картины, которые видел уже не раз и изучил во всех подробностях.

От де Хема Теодора повернулась к Антониусу ван Дейку⁸. Портретист. Писал на темы и религиозные, и мифологические. И удостоился великой чести, прославившись, занял достойное место среди лучших художников или поэтов: стал придворным живописцем, служил двум королям, получал солидное жалованье, женился на дочери лорда. Его кисти принадлежат очень выразительные и броские по манере портреты придворных и молодых английских аристократов, при этом великолепные по композиции, психологической характеристике, строгие и правдивые. Одно время Ван Дейк работал помощником в мастерской Рубенса – это ли не свидетельство его высокого мастерства? В своей эффектной манере он изобразил и одного из прежних владельцев Маунтсорреля, своего современника, – в шляпе, с тростью, на фоне дома, – словно хозяин собрался пройтись по окрестностям, наслаждаться видом своих роскошных угодий...

Куда кануло то благословенное время? И замок был цел, и семья жила безбедно, благополучно. Об этом красноречиво говорят детали состарившейся обстановки, мебель, ее обивка, портьеры. Приметы разных стилей наметанный глаз различил бы без труда: античные колонны, восточные мотивы прослеживались и в Маунтсорреле, и были видны на семейных портретах недавних предков...

Семейные портреты. Они внушали Теодоре чувство особенного благоговения! Она отчетливо понимала: уж они-то должны остаться там, где висят, чего бы это ни стоило ей и Джиму. Коснуться их с меркантильными целями значило бы совершить святотатство. И девушка повторила, словно самой себе, а не Джиму, как поклялась:

– В этой комнате все должно остаться как есть.

– В этой – ваша взяла, согласен, – мгновенно откликнулся Джим, будто все это время вел с нею мысленный диалог. – А в другой – вы зайдите и посмотрите своими глазами! – у стены целая куча чего-то подобного!

Теодора ахнула, прикрыв рот ладошкой, и даже слегка присела.

– Ах, что ты, что ты! Папа над ними работает! Возьми мы что-то оттуда – он немедленно это заметит!

Барон Александр Колвин унаследовал коллекцию Маунтсоррелей, будучи относительно молодым человеком. Дед и отец его не считали заботу о картинах своим личным делом, им хватало осознания, что они ими владеют и тем известны. Неудивительно, что картины начали стареть. Полотна перекошились и выпирали из рам, где-то подсыхала и трескалась краска, и все живописные шедевры потемнели от старости, первоначальные их цвета

---

⁸ Антониус ван Дейк (1599–1641) – южнидерландский живописец и график, мастер придворного портрета и религиозных сюжетов в стиле барокко.

поблекли, коллекция взывала к спасителю. И таковым решил стать Александр Колвин, едва вступивший в права наследования.

Студент Оксфорда, он сблизился и подружился там с одним человеком, таким же студентом. Помимо уважаемого титула, тот тоже унаследовал огромный дом с богатой коллекцией живописи. Но и – достаточно денег, чтобы поддерживать шедевры в достойном состоянии. Не раз останавливаясь у него в гостях, Александр Колвин сумел доподлинно разузнать, кто по праву считается лучшим из реставраторов в Великобритании. Он хотел, чтобы и коллекция Маунтсорреля выглядела так, словно полотна только что покинули мастерскую художника.

Узнав имя реставратора и его адрес, Александр Колвин договорился с ним о встрече в Лондоне. Слово за слово, и, не имея достаточно средств на то, чтобы коллекцию почти из руин восстанавливал опытный мастер, он убедил того принять себя в ученики. Ему нестерпимо захотелось овладеть навыками, которыми владели немногие. И денег, чтобы расплатиться с наставником, хватало. И он своего добился. Учеником он был прилежным, настойчивым, дотошным, и мастеру понравилось с ним работать. Так что Александр решил, что реставрировать собственное собрание картин – не такая уж плохая идея.

Как-то раз пораньше вернувшись домой, начинающий мастер взялся за дело. Он тщательно и придирчиво обрабатывал одно пострадавшее от времени полотно за другим, как доктор выхаживает доходягу-больного, чередуя разные средства: где-то усиленное питание, где-то массаж, где-то покой и глубокий отдых на свежем воздухе. Постепенно «пациенты» преобразались, и наступил тот счастливый день, когда молодой «доктор» сказал себе: он победил все болезни! Коллекция Маунтсорреля приобрела свое былое совершенство. А занятие, которое вначале Александру было продиктовано чувством долга, постепенно стало отрадой его жизни, его неодолимой страстью, – и началась, как иногда поддразнивала отца Теодора, его почти профессиональная карьера реставратора.

Да только не все было просто. Беда была в том, что он не брал ни с кого денег, кто бы ни обращался к нему за помощью. Страсть к искусству – это чувство не требует никаких денег, Александр Колвин работал ради чистого искусства, совершенствуя свои навыки и с каждой новой работой встречаясь как с новой любовью, отдавая себя без остатка любимому ремеслу. «Счастье это или трагедия?» – не раз спрашивала себя повзрослевшая Теодора.

Многие друзья, не стесненные в средствах, откровенно злоупотребляли добротой и терпением Александра, просили разобраться с картинами, и это льстило его самолюбию.

Шли годы. У Александра появилась семья, росли двое детей: Филипп и Теодора. Девушка почти не отходила от отца во время его работы и ловила на лету все трудности и секреты ремесла, горько сетовала, что отец, получая за свои услуги одни словесные благодарности, даже не мыслил себе никакой оплаты за свою одержимость искусством. Двое детей и жена голодали, чтобы можно было купить необходимые для реставрации картин самые лучшие материалы. Так продолжалось много лет.

В последний год, однако, Александр захандрил, он постоянно чувствовал себя обессиленным и был вынужден отказывать даже добрым друзьям и знакомым.

Теодора же тем временем, постигнув реставрационную премудрость и поднабравшись опыта подле отца, стала подумывать, а не пришел ли ее час? Не следует ли ей открыть свою практику? Да, она будет реставрировать картины – как отец, талантливо и добротнo, но только за плату. Непременнo за плату!

Вот только отец ее придет в ужас при одной только мысли, что его дочь будет работать. «Потрясение свалит его с ног окончательно», – уныло думала про себя Теодора. Такого унижения он не переживет.

Однако теперь обитатели Маунтсорреля подошли к той черте, за которой уже не приходится выбирать способ, как достать денег; если денег не будет, отец просто умрет – не только от непонятной хворобы, но и от систематического недоедания.

Когда бывал дома Филипп, то стрелял кроликов на их угодьях и уток, когда те прилетали к ручью, протекавшему через старый парк к некогда прекрасному озеру. Но озеро заросло сорняками, ирисом и кувшинками, которые заполнили почти всю его видимую поверхность.

Но нынче Филиппа не было, Джим не умел обращаться с ружьем, да и в любом случае патроны теперь были им не по карману.

Они держали нескольких кур-несушек, яйца отчасти их выручали, но когда из самых старых, переставших нестись куриц приходилось варить суп, хоть он и получался вкусным, но в целом это мало меняло ситуацию: восполнить «куриный запас» было не на что.

Джим завел небольшой огородик, однако овощи требовали ухода не меньшего, чем картины, как и земля. Так что на грядках вырастали худосочные кривые уродцы, не способные поддержать здоровье немолодого, теряющего последние силы человека, хоть доктор и твердил о необходимости усилить питание и соблюдать диету.

– Мы посмотрим еще наверху, Джим! – обнадеживающе сказала Теодора, тяжело вздохнув и потеряв виски, чтобы умалить головокружение. – В моей комнате есть картины Фра Филиппо Липпи⁹. Может быть, папа и не заметит.

Говоря это, она понимала: лишиться этого изображения Девы с Младенцем – было все равно, что утратить частицу себя. Филиппо Липпи хоть и писал на церковные темы, но все его персонажи дышали жизнью, были настолько реальны, столько в них было искренней чувственности, что религиозные сюжеты взывали более к земным человеческим радостям, нежели к библейской нравоучительности и многомудрию.

При этом в картинах Липпи была и утонченность, и чувство цвета, и мистическая созерцательность, так привлекавшие Теодору, что она почти растворялась в сопереживании изображенному на живописном полотне. Девушка забывала обо всем на свете. Картины Липпи прочно вошли в ее жизнь.

Но дороже жизни была ей одна картина. В ее спальне висело полотно «Отдых на пути в Египет» Ван Дейка, которое она перевесила туда после смерти матери. Ван Дейк предстает здесь как тонкий лирик. На парадных портретах вы увидите и романтически изысканных аристократов – прекрасных стройных женщин и мужчин в полный рост с несколько удлиненными фигурами, в богатых одеждах с высокими кружевными накрахмаленными воротниками-жабо, на фоне величественных дворцов и колоннад. При этом едва ли не каждая из картин отмечена «визитной карточкой» живописца – изящным непринужденным жестом холеных рук. Да, все так прекрасно... Но эта Мадонна...

Отец всегда говорил, что эта Мадонна с божественным младенцем, прижатым ею к груди, напоминает ему ту девушку, на которой он когда-то женился, и мать всегда принимала комплимент с благодарностью, ибо отрицать сходство было невозможно.

Когда Теодора подросла, мать ей сказала:

– Дорогая моя девочка, ты так похожа на меня! Эту картину можно считать и твоим портретом!

Теодору охватила такая волна нежности к матери, что она кинулась в ее раскрытые объятия и долго не хотела разжимать свои руки, пока мать гладила ее по голове. После

---

⁹ Фра Филиппо Липпи (1406–1469) – флорентийский живописец, один из виднейших мастеров раннего итальянского Возрождения.

смерти матери этот драгоценный момент согревал ее душу, а картина заняла особое место в ее сердце. Если сходство раньше было не так заметно, то теперь лицо Мадонны постепенно и непостижимо запечатлелось в чертах ее собственного: те же мягкие черные волосы, изящный лоб, аккуратное заостренное личико, прямой нос и невообразимо большие глаза. Взгляд чист и невинен. Порой, засмотревшись на собственное отражение в зеркале, она видела не только себя, но и лицо Святой Девы. Как можно расстаться с ней?

Мысль о разлуке с чем-то особенно дорогим ранила Теодору. Ее воспитывали в духе идей Песталоцци¹⁰ с его наиглавнейшей мыслью о нравственном воспитании всех людей. И воспитание это должно происходить «в жилой комнате». Главный нравственный ориентир – мать, ее любовь, ее наставления, ее пример. Мать связует в единое целое Бога, ребенка и окружающий мир. В человеке дремлют естественные силы, заложенные в нем по законам природы. Воспитание должно развить эти силы в трех основных измерениях – голова, тело, сердце. Гармоническое развитие умственного начала, физического и душевного обеспечит развитие нравственности – и вся воспитательная сила при этом идет от матери. Именно так и было в ее семье. Мама очень много значила для Теодоры. Влияние на нее отца и влияние мамы было разным, но это были два взаимодополняющих один другой потока света и знаний.

Теодора подошла к окну – получить хоть какой-нибудь знак, что она все делает правильно, пытаясь найти выход из положения. Что же она увидела? Ее взгляду предстали неухоженные, с перепутанными ветвями, кусты – держать садовника им было немыслимо, и кусты постепенно превратились в джунгли: прекрасные, дикие, первозданные... Сад хирел, и это обстоятельство отзывалось в душе Теодоры болью и чувством вины перед ни в чем не повинными растениями. А ведь есть народы, которые им поклоняются. Вот хоть тополь... Индейцы в древности одну его тень считали священной! И в наказание заживо сдирали кожу с того, кто обдерет кору с тополя. А «мировое дерево» – дуб? По поверьям кельтов, он скрепляет небо, землю и мир подземный... Ни одного обряда без дубовых листьев друиды – кельтские жрецы – не совершали.

– Ничего вы там не высмотрите, мисс Теодора, как ни смотрите, – мягко проговорил Джим у нее за спиной, как бестелесный незримый ангел, проследовавший с нею сюда без единого звука. – Однако нужно что-то делать, и как можно скорее!

– Да, Джим, я знаю. – Теодора порывисто обернулась к нему. – И мне стыдно, что и ты должен страдать вместе с нами! Но только вот я не представляю себе, как бы мы без тебя обходились.

Джиму они не платили, по меньшей мере, уже год, и если она сейчас голодна, то и он, без сомнения, тоже. Преданные слуга и дочь съедали какие-то крохи, чтобы побольше доставалось их господину и отцу, чтобы тот не потерял последнюю, почти неуловимую связь с жизнью.

– Сегодня вечером, Джим. Я постараюсь принять решение сегодня же вечером, – гордо подняв голову, заверила Теодора, – и когда папа уснет, мы упакуем картину, которую я... выберу, и отвезем ее мистеру Левенштайну в Лондон. Я знаю, он назовет нам справедливую цену.

Джим неуверенно кашлянул, потоптался, понимающе кивнул и неслышными шагами спустился вниз. Вскоре из сарая донеслись звуки железного постукивания и побрякивания. Джим приводил в порядок что-то из огородно-садовой утвари, догадалась Теодора по характерным звукам.

---

¹⁰ Иоганн Генрих Песталоцци (1746–1827) – знаменитый швейцарский педагог.

Мистер Левенштайн в прошлом не раз уговаривал барона Колвина принять плату за реставрацию некоторых из картин, что он продавал затем в своей галерее на Бонд-стрит. Но Александр Колвин задира л подбородок и отвечал ему, что мистер Левенштайн может держать свои деньги и картины при себе и что торговцу вообще повезло: с него не взяли денег и за показ коллекции в Маунтсорреле.

– Я вполне готов заплатить, – настаивал тогда мистер Левенштайн, – однако надлежащая оплата за это была бы мне не по карману!

Оглядываясь назад, Теодора теперь с горечью спрашивала себя, не была ли та гордая неуступчивость отца в таких обстоятельствах неуместной? какой-то ложной? какой-то превратно понимаемой гордостью? Ведь эта «гордость» заставляла страдать других людей, его семью! Мама умерла от чахотки. Доктора настойчиво советовали отцу взять ее срочно в Италию, но денег на это не было, да и вскоре оказалось, что, даже если деньги появятся за счет продажи какой-либо из картин, все равно уже поздно. Болезнь не дала отсрочки в решении денежных дел. Мамы не стало. И не раз с тех пор вспоминались Теодоре грустные стихи поэта Шелли под названием «Песня»¹¹, которые так любили мама и Теодора:

Тоскует птица овдовевшая
У края вырубки лесной;
Внизу – река заледеневшая,
А сверху – ветер ледяной.

И луг, метели ожидающий,
И облетевшие леса,
И в тишине один блуждающий
Скрип мельничного колеса¹².

Мама рассказывала, что Шелли погиб во время бури, катаясь на яхте вместе со своей женой и капитаном. Теодора уже после маминой смерти прочитала и поэму Шелли «Королева Мэб», и его драму «Освобожденный Прометей», и другие стихи, но это, «мамино», осталось любимым. Печальное по содержанию, оно было каким-то родным для нее и в то же время возвышенным и торжественным – скорбным, но эта скорбь была светлая и прозрачная, очищающая, как молитва... Наверное, для Теодоры это была молитва о маминой душе на небесах, чистой и благородной.

Спустя какое-то время звуки из сарая затихли. Теодора услышала, как Джим вернулся, пройдя в дом через кухню. Неужели он нашел что-то на огороде? Теодора вернулась к реальности. Там что-то уже успело созреть? Вряд ли... Лето еще в самом начале. Рассчитывать на что-то существенное не приходится. Какой-нибудь пучочек укропа в несколько веточек или две-три тонюсеньких морковки с худосочной ботвой. Вот разве что стало теплее, и куры стали лучше нестись... Пара яиц?

Она заглянула в комнату к отцу. Тот, как обычно в последнее время, сидел в кресле. Поза его свидетельствовала о том, что человек этот немощен... Руки, покрытые голубыми прожилками, безвольно покоились на подлокотниках. Доктор настойчиво советовал «вливать в больного хорошей красной крови». Он говорил о мясе? Отбивная с кровью... Что ж, это было бы очень и очень неплохо. И папе, и ей, и Джиму. Она же могла сварить им сейчас

---

¹¹ Перси Биши Шелли (1792–1822) – один из величайших английских поэтов XIX века.

¹² Пер. с англ. Г. Кружкова.

немного овсяной крупы, добавив в «бульон» мелко порезанные укроп и морковку с ботвой и разболтав там сырое яйцо... Еще бы лавровый листик... но его не было. Приправы они давно все использовали, подправляя вкус скудной пищи. Вот сейчас часть «бульона» разделяет она и Джим, остальное она поставит в фамильной тарелке перед отцом, сервировав ему столик у кресла. Хоть «парадной» посудой было не принято пользоваться каждый день, это свидетельство благополучия психологически скрашивало скудность и безнадежность ее содержимого.

Джим прав. Нет смысла так истово хранить для Филиппа картины, если, когда он вернется из Индии, или где он там обретается, он обнаружит, что его отец и сестра умерли с голоду!

В прошлом месяце брат послал им несколько фунтов, которые были очень и очень кстати, но эти деньги были лишь каплей в океане того, что они были должны соседям. И еще им нужны были деньги на покупку огородных семян и корма для цыплят. Да тех же приправ для супа! Лавровых листьев...

А что, если продать картину Джованни Батиста Тьеполо?¹³ «Аполлон и Дафна»! Дафна – на древнегреческом «лавр», вот почему вспомнилась ей эта картина. Легенда гласит, что бог любви Эрот и бог света и искусства Аполлон как-то поссорились, стреляя из лука. И вот маленький Эрот наказал Аполлона, послав две стрелы – одну, вызывающую любовь, в сердце Аполлона (будет знать, как дразниться!), другую, убивающую любовь, в сердце нимфы Дафны. И началась одна из самых нелепых любовных историй Эллады. Аполлон воспылал страстью к Дафне и бросился ее догонять, чтобы рассказать ей о своей великой любви. А она, естественно, со всех ног понеслась прочь... Аполлон стараниями коварного бога Эроса внушал ей лишь страх и отвращение, несмотря на его прекрасный облик и благие намерения... Долго длилась погоня. Дафна устала. И взмолилась к отцу своему, речному богу Пенею: спрячь меня, спрячь, умоляю! А тот – с перепугу ли, от неожиданности – не нашел ничего лучше, как обратить дочь в дерево лавр: кора покрыла ее нежную кожу, тонкие руки стали ветвями, пальчики зазеленели листьями, быстрые ножки вросли в землю корнями... Долго стоял опечаленный Аполлон перед юным лавровым деревцем, которое отворачивалось от него всеми листочками. Наконец смирился и произнес обреченно, себе в утешение: «Пусть же оно никогда не вянет! И пусть вечно зеленеет венок из лавра на моей голове...» Дафне такой поворот событий вряд ли пришелся по вкусу, но ее, бедняжку, никто и не спрашивал. На картине Аполлон почти у цели: он настигает Дафну, и она взывает к стоящему по пояс в темной воде отцу о помощи. На ее лице застыло отчаяние, темные речные воды внизу картины вспучены и бурлят энергией смятения всех героев, руки Аполлона уже касаются тела Дафны, и над ее головой витает в воздухе пальмовая ветвь... И вот с тех самых пор голову Аполлона украшает венок из лавровых веток, а вслед за этим лавр вошел в моду по всей Элладе: победителей Олимпийских игр, храбрых героев, лучших музыкантов – всех венчал лавр, что не мешало средиземноморским хозяйкам и поварам других стран класть листочки «лаврушки» в супы и приправы, ведь и героев, и музыкантов надо не только чувствовать, но и кормить. Слава – славой, а суп – супом...

Впрочем, нет... Тьеполо она не продаст. И дело даже не в том, что этот художник представлен у них только этой картиной. Сам миф о лавре очень известный! Жаль расставаться с легендарным сюжетом... Пожалуй, надо подобрать что-то другое, не такое значительное по содержанию.

¹³ Джованни Батиста Тьеполо (1696–1770) – крупнейший художник итальянского рококо, мастер фресок и гравюр.

А что, если Жан Марк Наттье¹⁴? «Флора»! Аллегорический портрет принцессы Генриетты в виде богини цветов Флоры... Легкий шелковый, наброшенный на бедра плащ цвета оперения сизого голубя, открывающий стройные ноги в греческих котурнах со шнурками, завязанными через щиколотки крест-накрест, подчеркивает женственную прелесть фигуры в белом полупрозрачном платье, открывающем плечи. Выражение лица торжественно-парадное, но при этом мечтательное, расслабленное, спокойное. В руках Флоры, конечно, цветы. И возле нее небольшой нежный букет...

Ах, цветы... Как же любят изображать их художники! Собственно, не случайно и не напрасно – цветы так украшают жизнь! Мысли Теодоры снова уплыли в сторону – видимо, потому, что ей трудно было решиться совершить выбор, и она невольно оттягивала этот момент как могла.

Да, цветы не только украшают повседневную жизнь. Она знает, что есть и особый язык цветов – *салам*, тайный шифр цветочного языка, когда каждый цветок выражает свой смысл, так что влюбленные могут безмолвно говорить о своих чувствах, скрывая их от посторонних. Язык цветов пришел в Европу с Востока, скорее всего, из Турции. А само слово *салам* – это восточное приветствие. Язык цветов, как было известно Теодоре, не так давно был очень распространен в России, им сильно увлекалось дворянство. Например, «счастливые» клевер и сирень старались носить с собой для привлечения удачи...

Сколько же всего она слышала от людей, посещавших Маунтсоррель, чем только не наполнилась ее голова!

И Теодора в который раз подумала про их сад с заросшими клумбами. А ведь ей было отлично известно также и то, что за возможность вырастить у себя иные цветы люди когда-то готовы были отдать немислимые – если их сравнивать – вещи.

Так, тюльпан в семнадцатом веке в Голландии – самый дорогой цветок за всю историю, как люди стали специально разводить цветы! Сохранились и документы: однажды за одну луковицу этого цветка отдали ну просто фантастически непостижимую плату – 24 четверти пшеницы, 48 четвертей ржи, 4 жирных быка, 8 свиней, 12 овец, 2 бочки вина, 4 бочки пива, 2 бочки масла, 4 пуда сыра, несколько платьев и серебряный кубок. Подумать только! За одну луковицу, которая, кстати, могла и не взойти! А за три луковицы кто-то однажды купил два больших каменных дома.

Сохранилось много свидетельств и подобного рода: человек машинально, за разговором, ощипал луковицу тюльпана и – попал за это в тюрьму... Голодный матрос взял с прилавка луковицу, чтобы съесть, и за это тоже попал в тюрьму, просидев в камере полгода...

Когда же цены на тюльпаны схлынули, разорив сотни людей, и страсти несколько улеглись, тюльпаны начали «прорастать» в сказках. Обычно это были истории об эльфах, и тюльпаны были для них колыбельками. И Дюймовочка тоже родилась в тюльпане – мама читала ей, уже девочке-подростку, эту датскую сказку, сочиненную Андерсеном. Очень милая сказка. Они с мамой любили проводить вечерние часы за беседой. И гуляя, они тоже вели беседы на разные темы...

Нет, «Флору» она не отдаст. «Флора» – напоминание ей о детстве, о прогулках и разговорах, о сказке «Дюймовочка». И от этой картины исходит такое теплое умиротворение... Очень нежна и красива героиня картины: и поза принцессы Флоры, и ее ненавязчиво благородное цветочное украшение... Образец чувства меры и вкуса, колористическая нирвана...

---

¹⁴ Жан Марк Наттье (1685–1766) – французский живописец.

Но какая, какая же из картин могла бы согнуться на то, чтобы обречь ее, так сказать, на закляние?

Якоб Йорданс!¹⁵ – почти решилась в конце концов Теодора. «Мелеагр и Аталанта», картина семнадцатого века. Да-да... Сейчас она скажет Джиму, чтобы тот приготовился отвезти ее в Лондон...

Картина Йорданса висела у них при входе – над лестницей. Переступая порог дома, Теодора непременно поднимала голову и бросала взгляд на картину, где античные герои в светлых одеждах держат в руках звериную шкуру. История же мифологического события такова. Охотник Мелеагр во главе самых отважных героев Эллады и с ним Аталанта, воспитанная с детства волками (ее отец ждал рождения сына, но, раздосадованный тем, что родилась дочь, повелел бросить ее в лесу, однако девочка выживает и становится прекрасной охотницей), отправились на охоту. Мелеагр влюбляется в Аталанту, когда они преследуют вепря, посланного на них Артемидой, разгневанной, что она осталась без положенного ей «по статусу» жертвоприношения (вот она, месть обидчивой женщины!). Вепрь побежден – Аталанта первая попадает стрелой ему в спину, Мелеагр добывает зверя и в знак любви и награды за меткость и смелость передает Аталанте голову вепря вместе со шкурой. Эту сцену и запечатлел на полотне Йорданс. Композиционный центр картины – Аталанта. Она смотрит на Мелеагра, изображенного в профиль. Плотная телом, невысокая, круглолицая, темноглазая, с забранными назад светлыми волосами, этакая чисто фламандская крестьянка, она уверенно держит в натруженных и привычных к работе руках звериную шкуру, будто домотканое одеяло, вынесенное ею для просушки на свежий воздух. На лице Аталанты – ни особенного азарта, ни явных следов затраченных на охоту усилий. Все довольно обыденно, даже смиренно. Трое других охотников позами и взглядами лишь подчеркивают преобладающее положение центральных героев.

Мелеагр и Аталанта оба в белых рубахах, с жилистыми руками, одно плечо Аталанты обнажено. Полуобнажен и крепкий торс Мелеагра. Обнаженные части тела дают светлый треугольник в центре картины, который может символизировать букву V: голое левое плечо Аталанты и правое – Мелеагра сближены, и эта тесная сближенность победившей плоти – сплоченность – держит равновесие и гармонию сцены...

Теодора привыкла к присутствию здесь этих людей, которые привыкли к физическому труду, – будто это ее хорошие знакомые, пришедшие молча донести до нее ободрение: своим спокойным уверенным видом, каким-то странным для всей ситуации ощущением уюта, возникающим от созерцания их телесной близости. Теодора принимала это для себя как знак преодоления безнадежности, посланный ей из далекой Античности. А белые рубахи на Мелеагре и Аталанте – сияли, высветляя все, что окружало картину, и Теодора всегда испытывала прилив радости, входя в дом, особенно когда за его стенами буйствовала непогода или давили низкие темные тучи, набухшие готовым пролиться дождем. С картины на нее словно каждый раз проливался свет – и ей нравилось лишний раз взглядывать на эти спокойные лица – обычные лица фламандских крестьян.

Нет! Нет, нет, нет – и еще раз нет! Йорданса она не отдаст. Без победившей злобного вепря дружной компании для нее в этом кошмарном доме и вовсе померкнет свет. Пожалуй, надо присмотреться к Рубенсу – и расстаться с одним из его полотен, выбрав то, что висит не на самом виду, не то что Йорданс... К тому же она легко могла бы скрыть от отца манипуляцию с Рубенсом, просто сказав, что стена в этом месте особенно отсырела, и она должна была перевесить картину в более безопасное место.

¹⁵ Якоб Йорданс (1593–1678) – фламандский художник, один из выдающихся представителей барокко.

В самые последние дни отец был таким обессиленным, таким апатичным, что она чувствовала: не будет он ни во что вникать! Тем более дотошно расследовать перемещение какой бы то ни было из картин. А рубенсовское полотно потом можно будет и выкупить – если Филипп, конечно, разбогатеет. Надежда на это была, однако, весьма эфемерная. Но в любом случае не стоит сразу покорно воспринимать потерю как безвозвратную.

И Теодора продолжила уборку комнат, размышляя, какую же из картин Рубенса отвезти в Лондон. Мысли об этом переमेжались в ее мозгу с хозяйственными, домашними.

Мебель...

Хоть мебель и старая, но с нее недостаточно стирать пыль, ее необходимо регулярно полировать, она еще крепкая и послужит, и нужен лишь надлежащий уход за всей деревянной обстановкой, чтобы эти жилые комнаты не выглядели столь безнадежно запущенными. Но вопрос опять упирался в деньги! А их катастрофически нет.

Снова мучительные мысли о продаже картины...

Она только-только закончила возиться с каминной полкой, как послышался стук в дверь. Кто бы это мог быть? Отложив тряпку, она вышла из комнаты, которая, когда ею пользовались как гостиной, именовалась «утренней», – в холл.

Во времена ее деда холл производил неизгладимое впечатление, от которого дух захватывало, и хотелось стоять и рассматривать каждую мелочь, украшающую помещение: мраморный пол, детали резной лестницы, ведущей на первый этаж, взлетающие по обе стороны от парадной двери к покрытому росписью деревянному потолку высокие стеклянные окна.

Потолок теперь давно потускнел и патетически взывал к тому, чтобы его срочно покрыли свежей краской, иначе роспись совсем исчезнет. И лишь картины на стенах наперекор всему блистали своей редкостной изумительностью.

Теодора, привычно зацепив взглядом картины и мысленно словно бы извинившись перед ними за какую-то фатальную бездарность своей семьи, которая довела дом до такого плачевного состояния, что коллекция живописных полотен смотрелась здесь живым укором ее владельцам, быстро сбежала по лестнице и открыла дверь.

Это был их почтальон. Довольно-таки немолодой, слегка прихрамывающий, он исправно разносил почту, не сетуя на врожденное недомогание – неправильный поворот стопы, который его многодетные родители не исправили ему в детстве, хотя тогда, когда детские гибкие косточки так податливы, это было возможно. Но прошли годы, мальчик вырос. И теперь фигурка щуплого деревенского почтальона стала привычной для жителей, когда письмоносец бодро вышагивал вдоль домов и каменных изгородей своей особенной, чуть подпрыгивающей – скорее по-птичьему припархивающей – походкой.

– Добрый день, мисс Колвин! – высоким голосом приветствовал Теодору разносчик почты, держа за уголок конверт и помахивая им в воздухе. – А вам тут письмецо! Не желаете ли получить?

– Спасибо, – приветливо ответила Теодора. Ей нравился этот неунывающий маленький человечек, всегда готовый на осторожную шутку, не переходящую границ вежливости, и на доброе слово. – Как ваша жена? Надеюсь, с нею все в порядке?

– Да, в конце весны она сильно хворала, но теперь мало-помалу идет на поправку, мисс Теодора, в такую-то теплую погоду! Огород никому не позволяет болеть, мигом на ноги ставит! Верное средство! Лекарство от всех немощей! Детки тоже в здравии. Все трое.

Семья была дружная, и Теодора издали следила за тем, как подрастали детишки, и искренне радовалась, когда слышала, что все у них хорошо.

– Рада это слышать, – с улыбкой кивнула Теодора, но сердце ее сейчас сжала тревога при виде конверта в руке почтальона. Что за письмо? Приятных вестей она не ждала.

Она приняла письмо, и письмоносец, коснувшись козырька сложенными лодочкой пальцами, улыбнувшись ей на прощание, похромал себе дальше вдоль улицы, зажав под мышкой сумку с корреспонденцией.

Наверное, в конверте очередной счет... Они все еще продолжали время от времени получать письма из Лондона с не имеющими ответа вопросами: есть ли хотя бы некоторая возможность, что накопленные их семьей – начиная с ее деда – долги будут наконец выплачены.

Ответ всегда был один и тот же, и большинство писавших в Маунтсоррель Колвинам либо уже не чаяли добиться успеха в возвращении своих средств и списали их долг как невозвратный, либо, по прошествии многих лет тщетного ожидания и зряшной надежды, отошли в мир иной, не возрадовавшись отмыщенным долгам.

Но в этом случае, внимательно разглядев конверт, Теодора поняла: это не счет. Конверт был из плотного дорогого пергамента, и на нем стояли печать и штамп в виде гребня, весьма впечатляющие.

Теодора вернулась в гостиную – ту самую, бывшую «утреннюю». Села в кресло, привычно переместив вес тела на одну его сторону, чтобы кресло не опрокинулось, оставив ее лежать на полу с перспективой более или менее значительной травмы ноги, головы или руки – любое увечье из предлагаемого набора ее не устраивало. Она лишена возможности томного пребывания в постели с умильными вздохами. Ее руки похожи сейчас на руки Аталанты с картины Йорданса, они стали такими же – с разработанными мелкими и крупными мышцами, по которым можно изучать анатомию, с крепкими пальцами, сильными запястьями... и это все потому, что почти вся домашняя работа совершается ее руками – и спасибо еще Джиму за его самоотверженную помощь.

Убедившись, что села правильно и ей ничто не грозит, Теодора распечатала загадочное послание. Письмо было адресовано ее отцу, но она привычно вскрыла его недрогнувшей рукой. Уже не первый месяц она читала всю корреспонденцию, приходящую в их дом, прежде чем дать что-то отцу. Она показывала ему лишь то, что могло бы его порадовать, – ради его здоровья предпринимались ею эти предосторожности. Из конверта она извлекла лист бумаги – такой же плотной и дорогой, как бумага конверта, с таким же оттиском в виде гребня.

Тем не менее, кто бы ни надписывал этот роскошный конверт, он, очевидно, и отца ее знал не слишком-то хорошо, и был не слишком сведущ в том, как правильно адресовать написанное и писать обращение в самом тексте. Здесь просто посередине конверта в отрыве от адреса значилось: «Мистер Колвин», в то время как имя адресата обычно, согласно правилам, указывается непосредственно над адресом. И еще в правильно оформленных деловых письмах в самом тексте немного ниже уровня даты и на две строки ниже обращения слева указывается адрес получателя. Здесь ничего подобного не было. И это было странным контрастом с тем, на какой бумаге было зафиксировано подобное невежество – точнее, выказано возмутительное неуважение адресату послания.

В некотором смятении, но раздраемая любопытством, Теодора стала вникать в содержание письма. Оно было написано четким, каллиграфическим почерком. Видимо, писал секретарь или какой-то чиновник рангом повыше, чем тот, кто непосредственно отправлял письмо.

«До его сиятельства графа Хэвершема дошли сведения, что Вы – эксперт в области реставрации картин, и Вас самым лестным образом рекомендовали Его Светлости.»

Вы, должно быть, наслышаны о превосходной коллекции картин, каковые собраны в замке Хэвершем. За вычетом тех, что сосредоточены в королевском дворце, эти картины считаются в стране самыми лучшими.

И посему Его Светлость приглашает Вас прибыть в замок Хэвершем как можно скорее для восстановления нескольких полотен, в этом нуждающихся, и привести в порядок другие, требующие разной мелкой работы.

Разумеется, Ваш обычный гонорар за работу будет приемлем для Его Светлости, и я буду весьма благодарен, если Вы ответным письмом уведомите меня, когда мы можем ожидать Вашего прибытия.

Ваш покорный слуга,

*Эбнер Дженкинс,
секретарь Его Светлости».*

Дочитав до конца, Теодора чуть не задохнулась от гнева и изумления. Она не была бы дочерью своего отца, если бы ее не обучали истории искусства с младых ногтей, с тех самых лет, как она начала мыслить! Ее мысли тут же приняли соответствующее направление: так, она с детства знала, что красный цвет привлекает к себе внимание и создает в сюжете картины движение, а излюбленный художниками, писавшими натюрморты, лимон с недоочищенной и готовой вот-вот упасть с него кожурой передает ощущение мимолетности, быстроты течения времени, непрочность вещного мира и зыбкость всего сущего. Все драпировки придают изображению праздничность и торжественность. А сдвинутая к краю стола скатерть на натюрморте, обнажая простую деревянную поверхность, напоминает о необходимости отличать правдивое от показного.

Взгляд Теодоры упал на картину Пуссена. И, как это нередко бывало, ее мысли получили толчок при взгляде на живописное полотно. Правду от лжи можно передать и иначе – как на этой картине!

Никола Пуссен¹⁶, «Суд Соломона» (любимая им из всех его собственных произведений). Теодора несколько отвлеклась от письма, разглядывая то, что видела уже много раз, но не могла отказать себе в удовольствии мысленно порассуждать. Женщина-лгунья одета здесь в платье тусклых, темных тонов, как сухая листва, а женщина, говорящая правду, в светлое, излучающее сияние платье. Сам царь Соломон – на возвышении, в красном, сидит прямо, и из этого видно, что суд его справедлив и он неподкупен, не склоняется ни в чью сторону и он выше всех споров и перебранок. А обе женщины спорят, утверждают свои права на ребенка. Как поступить царю Соломону? Он провокационно приказывает разрубить дитя пополам, поделив его между спорщицами поровну. Та женщина, чей это ребенок, тут же отказывается от него, говоря, что нет, нет, нет, ни в коем случае, он не ее! И тут царь Соломон понимает, где правда, кто настоящая мать – та, что готова отказаться от собственного малыша, только чтобы сохранить ему жизнь! А другая женщина – лгунья, хоть и лжет она с горя: у нее ночью умер младенец, и она хочет присвоить себе чужого. Эту женщину жалко, но она выбрала несправедливый способ залечить свое горе: она причиняет страдание другой матери.

Вообще Пуссен, разошлась в рассуждениях Теодора, надо сказать, любил вот такие сюжеты, позволяющие поразмышлять над какой-то сложной проблемой, и каждая деталь у него всегда наполнена глубоким смыслом, который следует разгадать. Отец постепенно учил Теодору подмечать то, что впоследствии открыло перед нею безграничные возможно-

---

¹⁶ Никола Пуссен (1594–1665) – французский художник, один из основателей классицизма.

сти понимания природы искусства, манеры художника, отражения в его картинах того времени, когда он жил и работал, степень и значительность мастерства живописца, ценность его творения. То есть в теперешние свои годы Теодора была большим знатоком по части искусства.

Она перевела взгляд на письмо, которое не выпускала из пальцев, пока в ее взбудораженном сознании блуждали взвихренные сим посланием мысли. Писать в Маунтсоррель – и задавать такие наивные вопросы по поводу живописных собраний, хоть и в смягченной форме! По самой снисходительной мерке – это странно и неуважительно. Им ли, Колвинам, не знать, сколь ценится коллекция Хэвершема? Многие ставят ее на одно из первых мест среди равных по количеству экземпляров, составу представленного материала, охвату эпох и особой ценности отдельных полотен!

Надо сказать, опытный торговец картинами мистер Левенштайн нередко сравнивал картины Маунтсорреля с теми, что составляли коллекцию графа Хэвершема. Однажды Теодора услышала, как он говорил ее отцу:

– У него больше картин Ван Дейка, чем у вас, мистер Колвин, но нет ни одной, равной написанному им портрету вашего предка. Мне кажется, в этой его улыбке – несомненно, донжуанской улыбке! – есть такой блеск, какого я не встречал ни в одной из его работ.

То же самое мистер Левенштайн говорил и о Рембрандте, висевшем в спальне ее отца. Это было первое, что Александр Колвин видел утром, – и последнее, что он видел вечером, смежая веки перед тем, как погрузиться в сон.

– В коллекции Хэвершема несколько Рембрандтов, мистер Колвин, – сказал как-то в другой раз мистер Левенштайн, – но, будь у меня выбор, я скорее бы завладел вашим, нежели всеми теми, что принадлежат графу!

У Теодоры еще тогда мелькнула мысль, что было бы безумно интересно увидеть другие произведения художника, чью единственную картину из многих она знала с детства.

Сейчас, взглянув на письмо в руке, она поняла: вряд ли когда-нибудь нога ее ступит в пределы замка Хэвершемов.

Ее отец был не только не в состоянии перенести дорогу или выполнить предлагаемую ему (оставим в стороне форму этого предложения) работу, но и он воспринял бы письмо, написанное в такой манере, как оскорбление, равно как и то, что ему писал секретарь графа, а не сам граф, словно он, Александр Колвин, был какой-то ремесленник, подмастерье...

Теодора легонько вздохнула.

Но все же было бы хорошо посмотреть мир за пределами Маунтсорреля! Никогда бы она в том не призналась, но за последние несколько лет пребывания в этом доме, в родном поместье стало тюрьмой для нее, хотя и без решеток.

Внезапно ей пришла в голову потрясая ее мысль. Мысль эта была не просто дерзкая, но возмутительная, так что Теодора вслух обозвала себя сумасшедшей... Но авантюрная мысль не отпускала. А приходила снова и снова. Она еще поразмыслила, пытаясь найти аргументы против того, что ей пришлось в голову. Аргументов не было, наоборот, решимость ее крепла. Она благословляет тот миг, когда она решила посягнуть на наследное право и продать картину, которая принадлежала еще не рожденным Колвинам. Формально это можно квалифицировать как преступление, но в ее конкретных обстоятельствах это решение было подобно лучу солнца, проглянувшему сквозь тучи...

С письмом в руке она понеслась в кухню, показать послание Джиму. Энергичный бег заставил ее запыхаться, когда она, раскрасневшись, влетела туда, – дом был большой.

В кухне когда-то были повар и три поваренка, посудомойщицы. Был полный штат домашней прислуги. Помещения, где жили слуги, были в абсолютном порядке. Кладовая была полна припасов, все трапезы строго сервировались, к столу положено было переодеваться. Дворецкий строго следил за тем, чтобы не было сбоев в работе лакеев, чтобы они соблюдали такт в отношениях между собой при хозяевах, чтобы правильно прислуживали за столом, поднося блюдо с едой слева от сидящего, чтобы тот положил сам себе в тарелку еду – и для этого ложечки на блюде должны быть удобно положены, чтобы их легко было взять, а подносимое блюдо лакей должен был держать невысоко... Это было непросто – выполнять обязанности лакея. И камердинера. Так, камердинер должен был не только почистить костюм, приготовить рубашку, помочь хозяину во все это одеться, но и должен был знать, что его обязанность – приготовить несколько пар запонок и разложить их на столике, а уж хозяин выберет сам, какие надеть. Если надо, камердинер поможет их застегнуть. То же – горничная. Очень важно было хозяевам сохранять доверительные личные отношения с горничной и с камердинером, те волей-неволей были посвящены в семейные тайны, и потому очень ценились их человеческие качества. Премудростей в устройстве домашней жизни было великое множество! И все-все они соблюдались! Когда владельцем имения был дед, вспомнила Теодора с легкой улыбкой, здесь был даже точильщик ножей, чья работа заключалась в наточке и чистке ножей после каждого приема пищи, и камень, на котором он это делал, до сих пор стоит в нише в передней...

Но сейчас не время было вспоминать прошлое, ей срочно нужен был Джим! Сейчас, немедленно! Она открыла тяжелую кухонную дверь, обитую снизу медной пластиной.

Джим стоял, нагнувшись над старинной печью, которая работала до сих пор лишь благодаря одной только силе человеческой воли и тому, к чему было приложимо название не иное, как ловкость рук, помноженная на смекалку. Джим помешивал в кастрюле нечто столь восхитительно пахнущее, что у Теодоры на секунду помутился рассудок и область желудка схватило спазмом – но она быстро пришла в себя, мысли снова приобрели отчетливые очертания. Не забыть бы, зачем она сломя голову сюда прибежала, усмехнулась про себя Теодора.

– Джим, послушай, вот какое письмо я только что получила! – с ходу объявила голодная хозяйка слуге.

Он обернулся к ней, продолжая что-то помешивать в своей кастрюльке. Впрочем, ей вовсе не обязательно было, чтобы он смотрел на нее, она и без того знала: он весь внимание. Пускай себе там мешает... Но только что, что там – в кастрюльке?

Теодора набрала в легкие побольше воздуха и на одном дыхании прочла вслух полученное и вскрытое ею письмо, и, когда закончила чтение, Джим издал короткий смешок.

– Хозяину вряд ли это понравится! Наглость, вот как я это назову. А он назовет еще того крепче!

– Я не буду ему это показывать, – быстро проговорила Теодора. – Но, Джим, у меня есть одна мысль! Мне надо, чтобы ты меня выслушал и согласился.

– Давайте сначала первое, мисс Теодора.

– Нет, смысл в том, чтобы первое и непременно второе.

– Хорошо. Я согласен. И что же это может быть?

– А вот что. Ты завтра отправишься в Лондон...

– Да, раз мы так решили... Но что я везу?

– Ничего не везешь...

– То есть как? А зачем тогда я еду в Лондон?

– Дослушай, пожалуйста, до конца, что я придумала.

– Слушаю, слушаю...

– Итак, завтра, как мы с тобой и договорились, ты едешь в Лондон, – начала Теодора, прохаживаясь по кухне вдоль плиты, выбирая место, где не так пахнет еда из кастрюльки, подальше от этого умопомрачительного запаха... – Но с собой ты повезешь не картину, Джим, а вот это письмо! И покажешь его мистеру Левенштайну. Ты попросишь его одолжить нам денег, чтобы нам хватило добраться до замка Хэвершем и чтобы купить достаточно еды и лекарств для папы, иначе нам не поднять его с места.

Джим, с его выдержкой и многолетним опытом неожиданных поворотов в делах и жизни Колвинов, уронил ложку в кастрюлю. Дальше он внимал Теодоре, обернувшись к ней всем корпусом. На его лице застыло странное выражение: то ли испуг, что у Тео на почве голода бред, то ли восхищение, что его хозяйка на грани голодной смерти способна изобретать гениальные вещи.

– Но мы не просто так попрошайничаем. Ты обещаешь ему, мистеру Левенштайну, – продолжала излагать свой сумасшедший план Теодора, – что мы вернем ему долг, как только получим оплату за реставрацию картин в замке Хэвершем!

– Но хозяин не примет денег за реставрацию, мисс Теодора, вы это знаете лучше меня! – Джим с отчаянием хлопнул себя по бедру. – И я больше скажу, он не окрепнет так быстро настолько, чтобы работать...

– Нет, конечно, – легко согласилась с ним Теодора и загадочно улыбнулась, выдержав театральную паузу. – Фокус, Джим, в том, что всю работу я возьму на себя. Я ведь могу делать все, что и он! Если нам предоставят комнату для работы, им нет нужды знать, кто там чем занимается – кто реставрирует, а кто наблюдает и помогает.

Глаза Джима расширились. Он молчал. Но Теодора чувствовала: он оценил ее предложение.

– Что до оплаты... Да, папа ее не примет. Но я поговорю с графом. Я объясню ему наше положение. Я уверена, он все поймет правильно. В любом случае, когда он увидит папу, у него не будет никаких сомнений, что тот – истинный аристократ, джентльмен.

– В этом никто и не усомнится, – задумчиво отозвался Джим. – Вот только...

– Что вот только? Ну да... Я понимаю, что ты хочешь сказать... Нет никакой гарантии, что у нас все так складно получится! – Теодора быстрыми шагами ходила по кухне в отдалении от кастрюльки, а значит от Джима, и потому говорила громким голосом. – Но если мы не сделаем этого... Нам останется только продажа какой-то картины... И ты прекрасно понимаешь, что, если мы на это решимся, это больно заденет Филиппа...

Для Джима это был неоспоримейший аргумент. Даже если сначала он и колебался в отношении идеи хозяйки, то теперь Теодора склонила его на свою сторону окончательно. Джим боготворил Филиппа – так же, как и ее, Теодору, и как их отца. Но все же Филиппа – особенно.

Однажды в порыве откровенности он ей сказал:

– Это может показаться нахальством, и будто я вам навязываюсь, мисс Теодора, но вы – моя семья, вот что! Моя матушка скончалась вскоре после того, как произвела меня на свет, так что я ее и не знал, и если у меня был отец, его имени мне никто не сказал. Но вы со мной обращались как с человеком, и я таковым себя чувствовал.

– Я очень хотела, чтобы ты жил в таком самоощущении, Джим! – пылко ответила ему тогда Теодора. – И ты знаешь, как мама тебя любила. В общем, ты ничуть не ошибаешься, ты прав, ты – часть нашей семьи!

Голубые глаза Джима при этих ее словах как будто слегка затуманились, и от смущения она добавила, возможно, несколько резковато для тона их разговора:

– Я часто думаю, как мне повезло, что обо мне заботятся сразу трое мужчин: папа, Филипп и ты. Какой женщине этого было бы мало?

Джим весело рассмеялся:

– Ну, мисс Теодора... Однажды вы найдете себе и собственного мужчину! И зачем вам тогда будет кто-то из нас? Тогда мы станем вам совсем не нужны. Вы о нас и думать забудете.

– Что за чушь ты несешь, Джим! – искренне возмутилась она. Но сентиментальный момент ушел, рассеялся...

Джим отчаянно гордился Филиппом, и, когда тот отправился в неизвестность, видя в этом единственный шанс добыть достаточно денег для сохранения на плаву остатков семьи и поместья Маунтсоррель, Джим глотал слезы. Теодора сдерживала себя до тех пор, пока дилижанс, увозивший ее любимого брата в Тильбюри, не исчез в облаке серой дорожной пыли.

Два года они получали от Филиппа редкие весточки, он писал весьма неопределенно, никаких подробностей не сообщал, а последние шесть месяцев они о нем вообще ничего не слышали.

– Наверное, он в дороге, едет домой, – бодро говорила всякий раз Теодора, чтобы утешить отца, который очень скучал по сыну.

Но Теодору все последнее время мучили страхи: а что, если брат подхватил какую-то страшную болезнь или ему грозит неминуемая опасность? Или он истратил последние деньги из тех, что взял с собой, и теперь не знает, как выкарабкаться, с каким лицом вернуться назад, к ним, практически нищим?..

Иногда ей даже казалось, что она никогда не увидит больше Филиппа. Затем убеждала себя, что ее молитвы будут услышаны и наступит такой счастливый день, что он к ним вернется. Но теперь ее единственной ежечасной заботой был только отец: и она, и Джим понимали, что он с каждым днем тает, силы покидают его, похоже, с каждой минутой.

– Да, я поеду в Лондон. И сделаю все так, как вы предлагаете, – проговорил Джим. В его голосе звучала решимость. – И я приложу все усилия, мисс Теодора, чтобы мистер Левенштайн ссудил нам денег... А еще, мисс Теодора... Есть тут некое обстоятельство, и на него нельзя закрыть глаза для благополучного исхода дела. Наша одежда! Если хозяин будет жить в замке Хэвершем, ему нужны новые сорочки... Эти его теперешние – просто лохмотья! Срам!.. В таких сорочках...

Теодора протестующе остановила его:

– Ох, что ты говоришь! Какие еще сорочки? О чем ты думаешь? Мы не можем себе этого позволить, Джим. Нам и без сорочек столько всего необходимо, чтобы поднять на ноги отца, а уж сорочками мы как-нибудь обойдемся теми, что у нас есть...

– Но всего две, мисс Теодора! – взмолился Джим. – Я по ночам буду какую-то из них стирать, и вторая как раз будет сухой и свежей каждое утро. Ну сами подумайте... Если вы задумали гостевать в таком уважаемом месте, хозяину понадобятся и костюмы. Но с ними проще, я вытащу старые, пороюсь в них и приведу кое-какие в порядок.

– Если из этих костюмов он все же не выпадет... – едва слышно пробормотала сникшая Теодора. Пока она слушала Джима, этих секунд ей хватило, чтобы принять его доводы как резонные. Ну конечно, он прав... Тысячу раз прав! И не только отцу нужна приличная одежда, но и ей, и Джиму. Только вот им с Джимом, кажется, придется обойтись тем, что у них есть.

В гардеробе же большой хозяйской спальни, где вот уже триста лет спал какой-нибудь очередной глава семьи Колвинов, висели мужские костюмы разных размеров, модных эпох, покровов. Вопрос в том, какой из этих костюмов – причем это должен быть смокинг – не станет болтаться на отце как на вешалке: иначе отец – да, произведет на Хэвершемов неизгладимое впечатление своей уважаемостью!

Теодора продолжала уныло молчать, но мысли ее сами собой распрыгались в разные стороны, будто стайка бельчат, которых вспугнул треск обломившейся ветки. С недавнего времени моду переполняли новинки благодаря появлению изощренных способов изготовления предметов одежды – чего стоило одно лишь усовершенствование швейной машинки! – обувь, сумочки, шляпы, булавки стали разнообразнее, и при этом каждая деталь костюма, украшения должны были подчеркивать благосостояние их обладателя. Мода подчеркивала статус, и это было важно для всех, кто жил по законам «приличного общества». Стиль ампир («имперский») сходит на нет. Покачивая кринолином, в «приличном обществе» сейчас царил женщина-цветок в юбке-бутоне. Оставалось только догадываться, где и что было зрительно увеличено, подчеркнуто или скрыто. Но это была жизнь, далекая от нее, Теодоры...

– Ничего, мисс Теодора, не стоит раньше времени вешать нос! – философски веско заметил Джим, камертоном реагируя на ее настроение.

Теодора очнулась и рассмеялась, и смех ее звонким эхом раскатился в старинной кухне, отразившись от медных кастрюль, ковшей и тазов. Когда Джим так важно изрекал прописные истины с видом восточного мудреца, ей всегда становилось очень смешно. И он делал это нарочно, чтобы ее повеселить. Это была их своего рода игра, очень давняя, так что ни тот ни другой не вспомнил бы, с чего она началась. Иногда они соревновались, кто больше вспомнит пословиц и поговорок, просто устойчивых выражений, подходящих для ситуации. Сейчас Джим почесал нос и добавил:

– И нечего раскисать. И опускать руки. И видеть все в черном цвете.

– Хорошо-хорошо! Ты очень, беспримерно убедителен! Я беру себя в руки. Нос не вешаю. Вижу мир исключительно в светлых красках. А нам, пожалуй, стоит заранее подкормить отца еще до того, как ты вернешься с деньгами. Как насчет того, чтобы принести в жертву моей идее цыпленка и напитать отца свежим куриным бульоном?

– Здравая мысль, мисс Теодора! Немедленно иду ловить жертвенную птицу, – церемонно ответил Джим, улыбаясь. – За вами бульон! Виват!

Слушая его, Теодора тоже улыбалась. Джим всю старался сохранять бодрый тон и повышенную деловитость. Ей от этого было легче. Делить тяготы на двоих всегда спасительнее. Она мысленно представила, что они два гребца в одной лодке и их движения веслами слаженные и ритмичные. Она часто приводила свой покосившийся внутренний мир в нормальное состояние подобным образом. Представляла себе картинку, где она видит себя спокойной и благополучной. И это очень ей помогало.

Сейчас ей выпал счастливый шанс, и она непременно должна им воспользоваться.

– Да, Джим. Надо брать быка за рога, пока горячо!

Джим в ответ рассмеялся – понял ее игру:

– Терпенье и труд все перетрут... если закусить удила! – с серьезным почтением ответил он и пошел заниматься хозяйством, прикрыв крышкой кастрюльку – чтобы варево настоялось, и попозже вечером они все трое поужинают.

Оставшись одна, Теодора ощутила холод под ложечкой... Что же она затеяла? Что сулит им это ее безрассудство? Она вполне отдавала себе отчет, что ее затея может быть расценена как безрассудная. Но... увидеть коллекцию Хэвершема! За это можно было и... закусить удила!.. Она снова заулыбалась.

И почувствовала, как новое, волнующее чувство будоражит ей кровь.

Джим что-то насвистывал, передвигаясь по дому, она слышала все эти звуки и будто видела перед собой блуждающий болотный огонек, манящий ее через трясины и зыбучие пески в страну неведомых наслаждений.

Внезапно ей захотелось если не засвистеть в унисон с Джимом, то громко запеть, и показалось, что персонажи картин на стенах ей улыбаются.

– Какое счастье, что не надо ни с кем из вас расставаться! – ласково сказала она им, чувствуя в душе невероятное облегчение. – Слава Всевышнему!

И ей почудилось, что картины ожили и послышался ответный смех, такой же легкий и радостный, как ее собственный.

Всю ночь она не спала от волнения: ворочалась с боку на бок, пытаясь заснуть, но тщетно – сон к ней не шел, как она ни старалась. В темноте в голову закрадывались самые неприятные мысли. Лондон так знаменит убийствами! Вдруг с Джимом там что-то случится! Рассказывают множество случаев, когда людям перерезали горло или убивали ударом дубинки по голове... А еще раньше – лондонские убийства во множестве были такими: людей душили и при этом откусывали им носы... Какой ужас! Почти людоедство. Убийствам даже давали названия по тем местам, где они происходили, – в соответствии с улицами или районами. Например, говорят про убийства на Тернер-стрит, про убийства на Ратклиффской дороге. Теодоре даже была известна статья про лондонские убийства, где ее автор Де Куинси пишет о них «как об одном из изящных искусств» – это она дословно запомнила из разговора отца и одного посетившего его человека, именно так он и сказал!..

Однако наутро, наблюдая за сборами Джима, она чувствовала себя посвежевшей. Письмо из замка Хэвершем он упрятал во внутренний карман верхней одежды, а адрес мистера Левенштайна на Бонд-стрит, записанный для него ровным и четким почерком Теодоры, – в другой карман, поближе.

Они прикинули: если Джим уедет с первым же дилижансом, который проезжал через их деревню в шесть утра, в Лондоне он будет уже к обеду и, совершив визит, сможет успеть на обратный дилижанс приблизительно в шесть вечера. Джим был настроен управиться с переговорами и вернуться, если только это в человеческих силах, тем же вечером – он отлично понимал, чего будут стоить Теодоре часы ожидания.

– Я не стану говорить папе, куда ты поехал, – сказала меж тем Теодора. – Хотя он что-то чувствует – прямо улавливает из воздуха! Вообрази, он спросил меня сегодня утром, не приснилось ли мне, что я разбогатела!

– Еще бы он этого не заподозрил! Вы выглядите такой счастливой, мисс Теодора! – с улыбкой ответил Джим. – Я давно вас не видел такой.

– После всех наших мытарств и лишений... я и сама верю с трудом, что забрезжил какой-то проблеск, – вздохнула Теодора.

И они молча посмотрели друг другу в глаза. Слов им было не нужно. Столько дней и недель провести в постоянной тревоге о том, из чего приготовить обед, подсчитывать, сколько дней они еще протянут на таком скудном пайке... Если Джиму не удалось выудить рыбешку в ручье или поймать в силки кролика, дела могли быть и похуже.

Порой в последнее время Теодоре все чаще казалось абсурдным, что клочок живописного полотна может решить их судьбу, а они не решаются снять со стены ни одну из картин. Продать одну и безбедно жить целый год или больше! Что может быть проще? Но нет. Священное благоговение удерживало ее от такого шага. А в самые трудные для себя дни Теодора молилась, чтобы небеса ниспослали им хоть какое-нибудь облегчение. И как будто в ответ на эти ее молитвы Бог послал им это письмо... Стоит ли после этого принимать во внимание, что секретарь пишет к ее отцу как к ремесленнику? Отец – аристократ, джентльмен, но умирающий с голоду аристократ и джентльмен. О чем рассуждать в таких обстоятельствах? Прочь все мысли об этикете! На карту поставлена жизнь.

Итак, Джим уехал, заняв место, которое всегда предпочитал в дилижансах, – прямо за кучером. На прощание он улыбнулся ей, когда дилижанс тронулся, и Теодора зашагала назад, к дому.

И по пути обратно случилось новое чудо! Каждый, кого она встречала в то утро в деревне – а встают здесь рано, и было неудивительно, что люди шли ей навстречу или обгоняли ее, – так вот каждый говорил ей «доброе утро!» и спрашивал о здоровье отца. А одна из женщин выбежала к ней с ломтем хлеба в руке.

– Вот! Я только что пекла хлеб, мисс Теодора, – торопливо и с придыханием проговорила она, – и подумала, может быть, вашему отцу не повредит кусочек на завтрак?

– Как это мило с вашей стороны, миссис Коулз, – любезно ответила Теодора, тронутая до глубины души, слегка краснея от подаяния. – Я знаю, в деревне ваш хлеб – самый вкусный, отец будет очень, очень рад угощению. Спасибо!

– Вот и ваша дорогая матушка про мой хлеб так говорила, – радостно ответила Теодоре польщенная миссис Коулз, – и вы на нее ну так похожи, ну так похожи, моя дорогая!

– Спасибо, – еще раз поблагодарила Теодора просиявшую полным лицом добрую даму и, зажав хлебный ломоть под мышкой, продолжила путь.

Эту сцену наблюдали в окнах не одного дома. То, что Теодора не задрала нос, не возгордилась и приняла хлеб от миссис Коулз, отозвалось бурным порывом всеобщей щедрости, так что к тому моменту, как Теодора достигла особняка, она несла в руках не только хлебный ломоть, а в придачу к нему два «особенных» куриных яйца – коричневых, «которые куда как более питательны, чем белые», баночку варенья из крыжовника «урожая прошлого лета, но сварено будто вчера, попробуйте, не пожалеете, старинный рецепт!» и небольшой кусок сливочного коровьего масла, только что покинувшего маслобойку...

Теодора шла и едва удерживалась от слез – так ее потрясла доброта всех, кто проявил ее к ним в этот трудный и мучительный для них час.

И что с того, что отец был бы до глубины души оскорблен, пойми он: теперь вся деревня знает – им отказано получать что-то в долг в местной лавке. Ничего. Как-нибудь она сейчас выкрутится, подавая ему этот завтрак, буквально посланный для него небесами. Да и вряд ли он будет проводить дознание, откуда вдруг такие продукты. Главное, сейчас они у них есть, и она накормит отца. А человеческая доброта и участие бесценны, она это осознала сейчас в полной мере, как никогда.

Молясь про себя, чтобы отец не задавал ей никаких неловких вопросов, Теодора сварила яйца всмятку, намазала маслом хлеб, красиво разложила все на семейной сервизной тарелке, рядом поставила баночку с вареньем и на подносе понесла к отцу. Тот при ее появлении повернул голову в ее сторону и потянул носом.

– Ты несешь мне что-то особенное! – слабым голосом приветствовал он ее. – Я чувствую.

Наверное, от полуголодной жизни обоняние его обострилось. Но она беспечно ответила, стараясь придать голосу легкость и простодушную честность:

– Ничего особенного, папа, обычный завтрак! – и поспешила покинуть комнату, опасаясь, что «честности» на большее ей не хватит.

Позже, когда она вернулась, чтобы забрать поднос, на бледном лице отца заиграли краски, а глаза заблестели и оживились по сравнению с тем, что она видела совсем недавно. Это было и вправду так или ей показалось?

– Все было очень вкусно, Теодора, – обыденно сказал он, и у нее отлегло от сердца: расспросов, откуда такая еда, не будет. – Скажи только Джиму, что хлеб у него сегодня получился гораздо лучше, чем он пек все последнее время. Пусть держит планку!

– Я передам ему, папа, – потупив взгляд, тихо ответила Теодора, забирая поднос с прикроватного столика.

Еще бы хлеб миссис Коулз не был вкуснее! Она печет его из хорошей муки. А Джим из той, что дешевле... И дрожжи... У миссис Коулз – самые лучшие дрожжи. У Джима таких давно не было. Все, что он готовил, чаще всего носило название «каша из топора».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.